

УДК 81'221: 316.77

КОЛЛЕКТИВНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА (прецедентные визуальные образы и феномены)

Ляйля Агьдасовна Мардиева

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и методики преподавания
Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
420021, Казань, ул. Межлаука, 3. kaf_rus@mail.ru

В статье дается определение явлению визуальной прецедентности, с семиотических позиций уточняются термины «прецедентный текст», «прецедентное высказывание». Предлагается классификация прецедентных визуальных феноменов, используемых в текстах печатных изданий в качестве особых коммуникативных единиц. Кроме традиционно выделяемых источников пополнения фонда прецедентных образований, называются поведенческие тексты и культурное пространство вещей. Подчеркивается значимость образов визуального (доступного зрительному восприятию) поведения политиков в современном обществе. Разграничиваются факты прецедентности формы и содержания.

Ключевые слова: прецедентность; визуальные и вербальные тексты; СМИ.

Теоретические предпосылки исследования

Разработка проблемы прецедентности (интекста, текста в тексте, цитации, аллюзии, интертекстуальности, реминисценции и т.п.), начатая структуралистами (Р.Бартом, Ю.Кристевой), а по сути инспирированная работами М.М.Бахтина, его идеей диалогизма, получила отклик в работах представителей тартуско-московской семиотической школы (Ю.М.Лотмана, П.Х.Торопа, Р.Д.Тименчика, М.Ямпольского и других) и в трудах некоторых отечественных филологов (Ю.Н.Караулова, Н.А.Ефимовой, А.Е.Супрун, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова, Г.Г.Слышкина, С.И.Сметаниной, Н.А.Фатеевой, Е.А.Нахимовой и мн. других). Говорить о том, что подобного рода исследования исчерпали себя, нет оснований. Эпоха мозаичного, клипового сознания требует и соответствующих ей форм отражения, феномен же прецедентности как нельзя лучше отвечает духу времени. Вместе с тем следует признать, что невербальные формы прецедентности практически не исследованы, хотя идея о том, что вторичными могут быть не только вербальные тексты, но и тексты, использующие другие коммуникативные коды, высказывалась в науке неоднократно. Например, М.Ю.Лотман в качестве примеров переключения из одной системы семиотического сознания текста в другую приводит цитирование текстов скульптуры, живописи, хроникальных кадров [Лотман 2000: 66–70]; С.И.Сметанина рассматривает случай использования цитаты живописи в периодическом изда-

нии [Сметанина 2002: 103]; Д.Б.Гудков при анализе вербальных прецедентных феноменов оговаривает случаи невербальной прецедентности [Гудков 1999: 98, 142, 262, 265]; А.Бергер отмечает осознанность или неосознанность использования художниками идей своих коллег [Бергер 2005: 23]; Г.Г.Слышкин пишет о том, что прецедентный текст «может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм)» [Слышкин 2000: 28].

«Технический прогресс нынешней эпохи покусился на уникальность письменности. ...И, как бы ни возмущался наш русский и лингвистический и лингвоцентрический консерватизм, наука и техника радикально изменяют языковое существование, характер общения», – утверждает В.Г.Костомаров [Костомаров 2005: 53], и с ним трудно не согласиться. В современных условиях, когда на наших глазах происходят кардинальные изменения традиционных форм общения, необходимость специального научного освещения явлений визуальной прецедентности, причем именно в контексте семиотически осложненного поликодового текста, несомненна, и примечательно, что некоторые шаги в указанном направлении предпринимаются (см., например: [Мардиева 2006а; Мардиева 2006б; Мардиева 2007; Мардиева 2011; Ворошилова 2010; Ворошилова 2011]).

Как известно, прецедент представляет собой определенный образно-ассоциативный комплекс,

основными признаками которого являются: 1) общеизвестность [Караулов 1986: 105; Супрун 1995: 17; Красных 1998: 51], 2) значимость в познавательном и эмоциональном отношениях [Караулов 1986: 105; Красных 1998: 51], 3) регулярная воспроизводимость [там же], 4) отсутствие необходимости экспликации и семантизации для большинства членов лингвокультурного сообщества [Гудков 1999: 167], 5) культурная обусловленность [Гудков 1999; Слышкин 2000; Нахимова 2007 и др.].

Прецедентными визуальными образами мы называем хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства (термин «образ» понимается нами как единица мысленного кода, субстрат подобного внутреннего образования может быть разным; говоря о прецедентных визуальных образах, мы имеем в виду те образы сознания, которые имеют визуальную природу или, по крайней мере, визуальный субстрат для них является обязательным). Понимание прецедентности как ментального образования является общепризнанным (см.: [Караулов 1986: 109; Гудков 1999: 102; Слышкин, 2000: 6; Нахимова 2007: 3] и др.), вместе с тем в лингвистике феномен прецедентности рассматривается в основном как элемент языкового сознания, т.е. как формируемые и объективируемые при помощи языковых средств образы сознания. Семиотический подход к исследуемому явлению предполагает, что прецедентность – это отражение (но не пассивное, а созидательно-творческое!) в сознании значимой для общества информации о культурном пространстве, часть общей, не только языковой, картины мира, что прецедентность – это коллективная культурная память общества. Если прецедентный визуальный образ – явление идеальное, то прецедентный визуальный феномен – это результат объективации (материализации, овеществления) визуального образа в текстовых (иконических и вербальных) структурах.

Подчеркнем важную для нас мысль: прецедентными визуальными образами мы считаем именно визуальные образы культурного пространства, а не образы визуального культурного пространства. Это уточнение существенно, оно предполагает широкое понимание визуальной прецедентности, при котором в качестве прецедентных рассматриваются хранящиеся в памяти членов социокультурного общества цельные или фрагментарные картиноподобные образы визуальных (1) и вербальных (2) произведений, невербального поведения отдельных личностей или социальных групп (3) и образы предметного ми-

ра (4). Первый, третий и четвертый виды прецедентных визуальных образов в процессе коммуникации могут быть объективированы при помощи как вербальных, так и невербальных иконических (изобразительных) знаков, второй вид предполагает возможность визуализации (т.е. материализации в иконических текстах). В любом из перечисленных случаев прецедентный визуальный феномен предстает как коммуникативная, чаще всего символическая, единица.

Значимость не только прецедентного, но и любого визуального сообщения в современной жизни несомненна, визуальная коммуникация «стала центральным аспектом жизни человека» [Бергер 2005: 18], «создание и тиражирование виртуальной реальности, где визуальная составляющая играет центральную роль, становится повсеместной практикой средств массовой коммуникации» [Назаров, Папантиму 2009: 10]. «Помимо своей обычной роли, – пишет В.М.Розин, – современная предметная среда, отдельные предметы, а также визуальные произведения (дизайн, графика и искусство) выступают как языковые сообщения, адресованные человеку, и он должен уметь прочесть и понять их» [Розин 2006: 13]. И конечно, прочесть и понять не только поверхностный денотативный, но и коннотативный слой визуального сообщения. Существенным в исследовании прецедентных визуальных феноменов представляется именно вычленение его прагматической составляющей, тем более, что, поскольку прецедент (в любой форме его проявления) обладает образцовостью, т.е. служит эталоном, и императивностью (на его основе следует моделировать последующие действия) (см.: [Гудков 1999: 98]), прецедентные визуальные феномены являются мощным орудием воздействия на сознание реципиентов.

Методологическая основа исследования прецедентных визуальных феноменов

При анализе визуальных прецедентных феноменов, используемых в современной печатной периодике, мы опираемся на методологический аппарат лингвистики, в частности, на принятую в лингвистике классификацию прецедентных феноменов, согласно которой прецедентными могут быть тексты, высказывания, ситуации, имена [Гудков и др. 1997]. Вместе с тем исследовательский материал предполагает толкование части терминологического аппарата с семиотических позиций.

Начнем с термина «текст». Как пишет Ю.Кристева, в качестве текста могут быть изучены различные виды искусства, литература, бессознательное [Кристева 2004: 99], различные виды производства, такие как жест, письмо, эконо-

номика [Кристева 2004: 131], т.е. с семиотической точки зрения «всё, что несет на себе печать человеческой мысли, – своеобразные тексты» [Текст... 1989: 3], которые могут стать прецедентными. В целом текст – это «сложный вид практики» [Кристева 2004, 39], это «пространство, где идет процесс образования значений», это «идущее на наших глазах производство, "подключение" к другим текстам, другим кодам (сфера интертекстуальности), связанное тем самым с обществом, Историей, но связанное не отношениями детерминации, а отношениями цитации» [Барт 1989: 424].

По мнению Д.Б.Гудкова, прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентное имя (ПИ) выступают как вербальные феномены, а прецедентный текст (ПТ) и прецедентная ситуация (ПС) – как когнитивные феномены, поддающиеся вербализации (пересказ, рассказ) [Гудков 1997: 101–102]. Утверждать, что определенные виды прецедентности являются исключительно вербальными, на наш взгляд, неправомерно, подобная позиция приводит к противоречию. Прецедентные образы являются единицами ментального уровня. Как полагают многие исследователи (Б.А.Серебренников, В.Б.Касевич, Е.С.Кубрякова, С.Пинкер, З.Д.Попова и И.А.Стернин), считать, что мышление может происходить только на базе естественного языка, вряд ли правильно, поэтому прецедентные образы не могут быть исключительно вербальными.

К примеру, ПИ Сталин в сознании индивидуума хранится в свернутом виде, возможно, в памяти зафиксированы какие-то наиболее яркие, отличительные образы – френч, усы, трубка и т.п. (в этом случае мы говорим о том, что в сознании хранятся свернутые визуальные образы, готовые развернуться в процессе коммуникации или самокоммуникации). При объективации образ Сталина вербализируется или визуализируется либо может быть и вербализирован, и визуализирован, но не более того, т.е. можно говорить о визуальном или вербальном прецедентном феномене (имени) как результате материализации идеального образа в сознании.

Что касается прецедентного высказывания, то и здесь мы исходим из семиотического понимания этого вида прецедентности. Любое высказывание, в том числе и прецедентное, может быть не только вербальным, но и невербальным, однако невербальное высказывание всегда требует перекодировки на естественный язык. К примеру, всем жителям Казани известен памятник неизвестному солдату у Центрального парка культуры и отдыха имени М.Горького – это лежащий тяжелораненый солдат, который приподнимается

и указывает рукой вперед. Названный жест должен прочитываться как высказывание, насыщенное регистром возвышенности, по замыслу скульптора, оно должно перекодироваться на вербальный язык примерно как «Вперед! На врага!». В сознании горожан памятник, который следует рассматривать как прецедентный для казанцев текст, ассоциируется, однако, с другим ставшим для них прецедентным высказыванием с ироничной коннотацией: «Все там будем» (переосмысление жеста-высказывания связано с тем, что скульптурный образ указывает рукой на находящееся рядом Арское кладбище).

Прецедентное высказывание тесно связано с ПИ или ПТ; так, в приведенном нами примере ПВ – это элемент ПТ. В процессах коммуникации ПВ отправителя, объективированное при помощи невербальных знаков, подвергается реципиентом перекодировке, т.е. на стадии расшифровки сообщения прецедентное высказывание, действительно, образование вербальное. Однако с позиции отправителя сообщения ПВ может быть как вербальным, так и невербальным.

Ни ПТ, ни ПВ, ни ПС, ни ПИ немыслимы без субъекта, связующим звеном всех этих явлений прецедентности является человек: человек создает ПТ, человек выступает в качестве субъекта или объекта ПС либо субъекта, продуцирующего то или иное ПВ, и именно человек-личность, включенный в разнообразные социальные отношения, не только является создателем артефактов культуры, но и сам является продуктом культуры, и в конечном счете именно человек во всех его проявлениях и выступает для публицистики прецедентом.

Классификация прецедентных визуальных феноменов

Среди прецедентных визуальных феноменов, используемых в газетно-журнальном дискурсе, мы выделяем три группы. В первую группу входят вторичные графические и фотографические тексты: плакаты, картины, фотографии и т.д., а также графические и фотографические способы воспроизведения скульптурных изваяний или их фрагментов (см. об этом: [Мардиева 2007], более детальное описание приводится ниже). Эту группу представляется возможным назвать собственными иконическими прецедентными феноменами.

Вторую группу мы первоначально назвали прецедентными жестовыми феноменами, или жестовыми стигматами (см.: [Мардиева 2006а; Мардиева 2006б; Мардиева 2007]), в этом случае термин жест используется в широком значении и включает в себя все знаковые телодвижения. Для

обозначения визуализированных и вербализированных образов подобных кодов в текстах СМИ, вероятно, оптимальным будет использование термина В.М.Розина «визуальное поведение» [Розин 2006: 13]; этот термин позволяет расширить объем исследовательского материала и анализировать в качестве прецедентных не только собственно жестовые манифестации, но и такие доступные визуальному восприятию и воображению знаковые формы поведения, как поступки, действия. К примеру, к числу прецедентных поступков можно отнести автопробег, «которым ударил по бездорожью дальневосточных направлений премьер-министр Владимир Путин на "Ладе" вызывающе канареечного цвета» (Звезда Поволжья. 2010. 2–8 сент.); и визит Путина в Пикалево, где, как пишет журналист Р.Ахметов, премьер-министр «устроил разнос Дерипаске и даже символически отобрал у него свою авторучку, что, видимо, должно означать – возвращай, Дерипаска, все народное»; по мнению автора статьи, «своим посещением Путин дал схему решения подобных конфликтов на территории страны», в этом же номере газеты журналист Д.Орешкин задается риторическим вопросом: «Поехал премьер в Пикалево – навел порядок – а сейчас премьеру что, надо съездить в Уфу навести порядок?» (Звезда Поволжья. 2009. 11–17 июня). Визуальные образы подобного рода политических поступков, напоминающих театральные постановки, внедряются в коллективное сознание общества телевидением, они имеют большой резонанс в обществе, на них ссылаются, им приписывают некие символические значения, но жизнь такого рода политических жестов, как правило, весьма недолговечна.

Особую группу прецедентных визуальных феноменов формирует культурное пространство вещей. Речь идет о знаковой и значимой для общества окружающей человека предметной среде, о намеренном использовании вещей в функции знаков-индексов. Это, например, кепка Ю.Лужкова, которая воспринимается как определенный стигмат этого политического лидера («Нестандартный *мэр в кепке* и ушел нестандартно. Вместо того чтобы писать спущенное сверху заявление об отставке, он взбунтовался...» – Звезда Поволжья. 2010. 30 сент. – 6 окт.), это дом на Рублевке («Ради чего воевать российской армии – ради сохранения *коттеджей на Рублевке*, ради того, чтобы сохранить коррумпированную систему?» – Звезда Поволжья. 2010. 12 мая – 5 июня) и т.п. артефакты, легко семантизируемые как сигналы какой-либо особенности обладателя предмета, его принадлежности к определенной социальной группе или как символы.

В качестве наиболее яркого примера прецедентности вещи в печатной периодике последних лет можно назвать ноутбук, который обязательно присутствовал в фотопортретах Д.Медведева как своеобразный стигмат, как символ прогрессивности нового президента, именно этот предмет создал президенту «образ "модернизатора с компьютером"» (Новая газета. 2010. 6 окт.). В последнее время эту функцию взяли на себя объекты нематериального виртуального мира – Твиттер, аккаунт, регулярно упоминаемые СМИ, когда речь в них идет о деятельности Д.Медведева; не случайно региональная газета едко пишет: «Медведев всё более походит на президента в "виртуальном пространстве"...» (Звезда Поволжья. 2010. 2–8 сент.).

Прецедентность предмета подразумевает прецедентность поведения: обладание вещью, ее использование в определенных целях тоже есть своеобразная форма поведения, поэтому выделение группы прецедентных предметов условно, тем более что обе указанные формы прецедентности выступают в качестве стигматов соответствующего прецедентного имени или социальной группы и репрезентируются в иконических и вербальных текстах периодических изданий, выполняя разнообразные прагматические функции. Вспомним, к примеру, такой инструментарий мировой политики, как ботинок. В свое время этим предметом стучал по трибуне на заседании ООН Никита Хрущев (в карикатуре, иллюстрирующей статью «Перспектива», ботинком по трибуне стучит уже В.Путин – Звезда Поволжья. 2006. 25–31 мая, вербальную ссылку на описываемый исторический факт дает, например, и выходящая на татарском языке газета «Мэдэни жомга» от 24.02. 2006 г.). В 2009 г. иракский журналист Мунтазер аз-Зейди метнул оба своих ботинка в президента США Д.Буша, сопроводив свои броски словами: «Это тебе прощальный поцелуй, собака... от вдов, сирот и всех убитых в Ираке». Ботинок стал орудием прецедентного поступка, который был «прочитан» как жест, как «емкая метафора сопротивления арабского мира американскому натиску» (Русский репортер. 2009. 8–15 окт.); как писала газета «Казанские ведомости» (2009. 13 февр.), «мода на метание ботинок в известных политиков приобретает мировые масштабы», свое утверждение газета иллюстрирует примерами.

Подчеркнем, что выделение всех перечисленных нами видов визуальной прецедентности диктуется теоретическими задачами систематизации и описания исследуемого материала, на практике же обнаруживается тесная взаимосвязь всех видов визуальной прецедентности, в том

числе и с теми, что традиционно выделяются в лингвистике. Показателен в этом отношении риторический указательный жест В.И.Ленина (вытянутая вперед в направлении аудитории правая рука). Жест относится к числу прецедентных (к группе прецедентного визуального поведения, подклассу прецедентного невербального телесного знака); он является своеобразным стигматом Ильича и превратился в художественный штамп, т.к. обязательно использовался скульпторами, художниками, плакатистами, режиссерами и стал прецедентным благодаря иконическим, в том числе и прецедентным, текстам. Ассоциируется жест с ПВ: «Правильной/верной дорогой идете, товарищи!». Рассматриваемый прецедентный феномен активно используется современными СМИ, например, фотография В.Путина, исполняющего указанный жест, была опубликована под рубрикой «Политики года» (Коммерсантъ-Первый рейтинг. 2004. № 01), фотопортреты мэра Казани И.Метшина, ассоциирующиеся с В.И.Лениным благодаря известному жесту, были напечатаны в газетах «Метро» (2009. 10–20 окт.), «Аргументы недели. Татарстан» (2009. 15 окт.), вербальные описания указанного жеста встречаются, например, в газете «Звезда Поволжья» (2008. 31 июля – 6 авг.; 2006. 26 окт. – 1 нояб.; 2009. 14–20 мая и др.).

Обратим также внимание на самый, пожалуй, цитируемый визуальный текст – плакат Моора «Ты записался добровольцем?». Очень часто заимствуется именно жестовый фрагмент этого плаката (см. рис. 1–2)¹. Персонаж, вербальный и визуальный контексты плаката подвергаются сильнейшим трансформациям, иногда кардинальному изменению (см., например: Молодежь Татарстана. 2008. 25 июля, рис. 2). Оpoznанию жеста (т.е. соотносению его с первоисточником) способствует не только призывно-императивная модальность самого невербального знака, но и аналогичная модальность сопровождающего его прецедентного вербального высказывания персонажа плаката, ср. первоисточник: «Ты записался добровольцем?» и его трансформированные вторичные варианты: «Ты заработал на жаре или отлежался на пляже?» (Молодежь Татарстана. 2008. 25 июля), «Ты отдал ужин врагу?» (Вечерняя Казань. 1995. 15 сент., рис. 1), «Не жмись, товарищ! Это очень интересная газета» (Вечерняя Казань. 1995. 11 апр.).

Остановимся еще на одном показательном примере. Статью «Привет, первокурсник!» (Яetc. 2006. 31 авг. – 7 сент.) иллюстрирует фотография молодого человека: глаза с мольбой устремлены вверх, руки смиренно прижаты к груди, на голове венки из одуванчиков, намекающий на нимб,

т.е. в фототексте процитированы невербальные телесные знаки, используемые в иконописи для обозначения святости. В результате транспозиции знаков из текста сакрального в газетный происходит переключение регистров, наполнение визуальной информации ироничными коннотациями, что поддерживается и на вербальном уровне. Но, возвращаясь к затронутой выше теме, мы вновь получаем подтверждение того факта, что границы между прецедентными феноменами, в последнем случае между собственно иконическим и прецедентным визуальным (жестовым) поведением, условны.

Прецедентный текст или прецедентная форма?

Прецедентный визуальный образ извлекается из определенного прецедентного текста. Если рассматривать прецедентный текст как артефакт культуры, как ментальную репрезентацию этого артефакта [Слышкин 2000: 5] и учесть, что корпус прецедентных текстов отражает и формирует шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного (лучше сказать – культурного. – М.Л.) общества [Гудков 1999: 159], обозначить наиболее цитируемые источники есть смысл.

Как показывает анализ, первоисточниками прецедентных визуальных феноменов современных печатных СМИ (в порядке убывания) являются: 1) социальные и особенно политические плакаты; 2) картины художников; 3) кадры кино-, теле- и мультфильмов, новостных программ телевидения (представляется, что эта группа должна активно пополняться и рекламной продукцией, но в нашей картотеке она (возможно, пока) не зафиксирована); 4) скульптуры; 5) фотографии; 6) поздравительные открытки, а также 7) поведенческие тексты и 8) культурное пространство вещей. В некоторых случаях однозначно назвать источник прецедентного визуального феномена достаточно сложно, поскольку он может быть связан с некоторым неопределенным множеством текстов (яркий тому пример – рассмотренный выше жест Ленина).

Естественно, перечень первоисточников в связи с бурным развитием визуальной культуры и цифровых технологий будет пополняться. Так, уже сейчас очевидно, что визуальные образы подрастающего поколения формируют сайты Интернета, разнообразные компьютерные программы, игры, хотя определенные препятствия для вхождения подобных визуальных образов в состав прецедентных есть, это, например, большое количество подобной продукции, в какой-то мере отсутствие директивного массового способа потребления этого вида визуального продукта и его ориентация на малые группы потребителей,

объединенных общими вкусовыми пристрастиями, интересами. Но рост числа прецедентных образов, являющихся продуктом новой коммуникационной культуры, очевиден, что вызовет необходимость исследования прецедентных феноменов отдельных социальных групп, в том числе и изучения той ее части, что будет активно использоваться СМИ.

Теперь обратим внимание на такой источник прецедентности, как поздравительные открытки. Считать их прецедентными можно лишь условно. С одной стороны, открытки не удовлетворяют всем требованиям прецедентности. Для них не характерна регулярная воспроизводимость, их нельзя назвать общеизвестными текстами: открыток выпускалось так много, что знать их все практически было невозможно, их коллекционировали, но к числу произведений искусства они не относились и не относятся, впрочем, для вхождения в состав прецедентных феноменов это и необязательно. Однако, с другой стороны, открытки можно отнести к прецедентным визуальным феноменам, поскольку они являются значимыми в эмоциональном отношении. Попытаемся обосновать свою позицию.

В мартовском номере женского регионального журнала «Сююмбике» (2011 г.) печатается небольшая информация справочного характера об истории Международного женского дня, в качестве иллюстрации используются поздравительные открытки, изданные в годы Советской власти, скорее всего, это открытки 30–50-х гг. XX в. (весьма показательно, что на всех шести открытках, которые отобрали издатели журнала, «поздравляют» с 8 Марта женщин дети, в результате женщина предстает в образе мамы, а не, к примеру, любимой женщины или труженицы; любопытно: открытки отражают политику советского государства или же это интенция журнала?). Применим метод интроспекции. Итак, я как рядовой читатель открываю журнал и вижу открытки. Я не могу сказать, что я когда-нибудь до этого видела именно эти открытки, не может быть и речи о том, что именно эти открытки относятся к числу постоянно тиражируемых средствами массовой коммуникации. Но эти открытки пробуждают определенные переживания, я вспоминаю свои поздравительные открытки, адресованные маме, бабушке, т.е. значимую с эмоциональной точки зрения информацию эти открытки для меня, как и для многих других, передают. Следовательно, в этом случае можно говорить о том, что прецедентной будет не текст определенной поздравительной открытки, а прецедентной будет форма – форма отправления поздравления в виде красочной картинки. Правда,

здесь есть ограничение: прецедентной будет не современная поздравительная открытка, а та, что из прошлого.

Еще один пример. Газета «Звезда Поволжья» (2009. 5–11 марта) поздравляет своих читателей с Днем 8 Марта, используя для этого поздравительную открытку, на которой изображена летчик-космонавт Валентина Терешкова. Можно сказать, что издатель газеты использует прецедентное имя, визуализацию ПИ, которое является символом, и можно даже сказать, что форма репрезентации ПИ несущественна. Но попытаемся мысленно произвести трансформацию формы: заменим открытку фотографией, которую для чистоты эксперимента снабдим соответствующей вербальной надписью – мы потеряем часть еле уловимой информации (теплоту? душевность? что-то с трудом семантизируемое, что-то на уровне еле осознаваемых чувств), хотя следует признать, что эта часть информации будет прочитана не всеми или может быть прочитана как-то по-другому.

Прецедентность текстов фотографий тоже не столь однозначна, поскольку прецедентность самой фотографии осознается (если вообще можно говорить об осознаваемости этого явления не исследователем) не всеми. Для многих прецедентным является содержание фотографии: ПС, ПИ, которые запечатлела фотокамера. Рассмотрим пример. Газета «Республика Татарстан» (2011. 29 марта) печатает подборку материалов о 50-летию гагаринского старта, которую иллюстрирует фотография, сделанная в 1963 г. корреспондентами ТАСС: на почетнейшем по тем временам месте – на трибуне мавзолея – Павел Попович, Андриян Николаев, Герман Титов, Валентина Терешкова, Валерий Быковский. Здесь мы однозначно говорим о визуализации прецедентных имен. Для людей старшего и среднего поколения фотография тоже будет прецедентной (прецедентным текстом), эту фотографию с митинга, посвященного первому в истории полету женщины в космос, тогда и впоследствии печатали многие газеты и журналы, но в 90-е гг. фотография уходит в небытие вместе с чувством гордости за свой народ, который был когда-то первым в области освоения космоса. Речь, таким образом, идет о том, что фотография может быть прецедентной для определенной группы людей, объединенных одним возрастом, социальным статусом, общей профессией или увлечением и т.п. Для фотографий «из прошлого» важно то, что форма является гарантией достоверности, подлинности содержания, как это было положено когда-то фотографии, она является документальным свидетельством того, что это было на

самом деле, поэтому форму подачи содержания в виде старой фотографии можно также считать прецедентной по форме.

Итак, в работе разграничены понятия «прецедентный визуальный образ» как образование ментальное, идеальное и «прецедентный визуальный феномен» как материальный способ воплощения идеального образа, внесены существенные изменения в предложенную нами ранее классификацию прецедентных визуальных феноменов, с общесемиотических позиций уточнены термины «прецедентный текст», «прецедентное высказывание» и «прецедентное имя», рассмотрены переходные прецедентные образования, названы основные источники пополнения фонда прецедентных визуальных образов совре-

менного общества, учтены факты прецедентности формы и содержания. К сожалению, объем статьи не позволяет описать прагматическую значимость прецедентных визуальных феноменов в вербальном контексте журналистской статьи, это тема специального исследования, которая должна иметь определенную теоретико-методологическую основу, что и являлось целью настоящей статьи (предварительные итоги исследования некоторых функций прецедентных визуальных феноменов в газетно-журнальном дискурсе были представлены нами – см.: [Мардиева 2006а; Мардиева 2006б; Мардиева 2007; Мардиева 2011], но эта работа требует продолжения).

Примечание

¹ Рис. 1. Вечерняя Казань. 1995. 15 сент.

Рис. 2. Молодежь Татарстана. 2008. 25 июля.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика/ пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бергер Артур А. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию/ пер. с англ. . 2-е изд. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. 228 с.

Ворошилова М.Б. Алексей Леонидович! Нащупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2010. № 3(33). С.61–63. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling33/ling33_7.pdf (дата обращения: 09.04.2011).

Ворошилова М.Б. У разбитого корыта. Культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С.126–129.

URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling35/ling35_15.pdf (дата обращения: 12.05.2011).

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1999. 400 с.

Гудков Д.Б. и др. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вест. Моск. ун-та. 1997. № 4. С.106–118.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Шестой междунар. конгресс преп. русского языка и литературы: докл. советской делегации. М.: Рус. язык, 1986. С.105–126.

Костомаров В.Г. Формы овеществления текста // Рус. речь. 2005. № 2. С.47–56.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К.Косикова, Б.Н.Нарумова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки). СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Мардиева Л.А. Плакат как прецедентный иконографический феномен в газетно-журнальном дискурсе // Тонус: науч.- и учеб.-метод. издание. Казань, 2006а. С.87–91.

Мардиева Л.А. Прецедентные жестовые стигматы в газетно-журнальных текстах // Филологическая наука в XXI веке. М.; Ярославль: Ремдер, 2006б. С.360–364.

Мардиева Л.А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Вестн. ТГГПУ. 2007. № 1(8). С.62–68. URL: http://vestnik.tggpu.ru/system/files/62-67_8.pdf (дата обращения: 09.12.2010).

Мардиева Л.А. Прецедентный визуальный текст и его манипулятивная составляющая // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы 50-й

международ. науч. конф. СПб.: Филол. ф-т, 2011. С. 35–37. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1303077160_172.doc (дата обращения: 26.04.2011).

Назаров М.М., Папантиму М.А. Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации: Опыт междисциплинарного исследования. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 216 с.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 224 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во В.А.Михайлова, 2002. 383 с.

Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопр. языкознания. 1995. №6. С.17–29.

Текст как явление культуры / отв. ред. А.Н.Кочергин, К.А.Тимофеев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 197 с.

COLLECTIVE CULTURAL MEMORY OF SOCIETY (precedent visual images and phenomena)

Laila A. Mardieva

**Reader of Russian Language and Methods of Teaching Department
Tatar State University of Humanities and Education**

In the article the definition of the visual precedence is given. The “precedent text” and the “precedent statement” are regarded in the semiotic aspect. The precedent visual images used in the press as special communicative units are classified. Except for traditionally used sources of the precedent unit fund supply the behavioral texts and the cultural space of the objects are also applied. The importance of the images of visual (accessible to visual perception) behavior of politicians in the modern society is emphasized. The precedent form and the precedent content are differentiated.

Key words: precedence; visual and verbal texts; mass media.